

ISSN 0869-4362

Русский
орнитологический
журнал

2013
XXII

ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК
214
EXPRESS-ISSUE

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology

Издается с 1992 года

Том ХХІІ

Экспресс-выпуск • Express-issue

2013 № 914

СОДЕРЖАНИЕ

-
2347-2351	Памяти Павла Викторовича Терентьева (1903-1970).
А.С.МАЛЬЧЕВСКИЙ, Ю.И.ПОЛЯНСКИЙ,
Л.И.ХОЗАЦКИЙ
2351-2365	Майские наблюдения за птицами на северном берегу
Адриатического моря. Д.Н.НАНКИНОВ,
Н.Д.НАНКИНОВ
2366-2368	Внутривидовая дифференциация и концепция
подвида в орнитологии. В.М.ЛОСКОТ
2368-2369	Редкие виды куриных птиц Копетдага и вопросы их
охраны. Ю.В.МИЩЕНКО
2369-2371	Дисперсия и филопатрия у мухоловки-пеструшки
<i>Ficedula hypoleuca</i> на Куршской косе.
Л.В.СОКОЛОВ, В.Г.ВЫСОЦКИЙ,
А.В.БАРДИН
2371	Залёт чёрной казарки <i>Branta bernicla</i> в Алакольскую
котловину. Н.Н.БЕРЕЗОВИКОВ
-

Редактор и издатель А.В.Бардин

Кафедра зоологии позвоночных

Биолого-почвенный факультет

Санкт-Петербургский университет

Россия 199034 Санкт-Петербург

Р у с с к и й о р н и т о л о г и ч е с к и й ж у р н а л
T h e R u s s i a n J o u r n a l o f O r n i t h o l o g y
Published from 1992

V o l u m e X X I I
E x p r e s s - i s s u e

2013 № 914

CONTENTS

- 2347-2351 In Memory of Pavel Viktorovich Terentyev (1903-1970).
A.S.MALCHEVSKY, Y u . I . P O L Y A N S K Y ,
L . I . K H O Z A T S K Y
- 2351-2365 May birding on the northern shore of the Adriatic Sea.
D . N . N A N K I N O V , N . D . N A N K I N O V
- 2366-2368 Intraspecific differentiation and the concept
of subspecies in ornithology. V . M . L O S K O T
- 2368-2369 Rare species of gallinaceous birds of Kopetdag and their
conservation issues. Y u . V . M I S H C H E N K O
- 2369-2371 Dispersion and philopatry in the pied flycatcher
Ficedula hypoleuca on the Curonian Spit.
L . V . S O K O L O V , V . G . V Y S O T S K Y ,
A . V . B A R D I N
- 2371 Vagrant brent goose *Branta bernicla*
in the Alakol basin. N . N . B E R E Z I V I K O V
-

A.V.Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
St.-Petersburg University
St.-Petersburg 199034 Russia

Памяти Павла Викторовича Терентьева (1903-1970)

А.С.Мальчевский, Ю.И.Полянский, Л.И.Хозацкий

*Второе издание. Первая публикация в 1971**

Павел Викторович родился 23 декабря 1903 года в Севастополе. Его отец был деятелем в области народного просвещения, а мать — астроном, ассистент, а затем доцент Петербургского университета. Будущий крупный учёный, Павел Викторович проявил ярко выраженный интерес к биологии ещё на школьной скамье, а восемнадцати лет, являясь студентом Московского университета, одновременно был ассистентом Дарвинского музея. В дальнейшем ему довелось сотрудничать в ряде научных и производственных учреждений. В Московском зоопарке он заведовал террариумом, работал в Зоологическом музее Московского университета, в Татарском научно-исследовательском институте, в Архангельской охотпромбиостанции, в 1930 году начал читать лекции по биометрии в Казанском государственном университете.

Павел Викторович Терентьев
(1903–1970).

В 1934 году Павел Викторович стал ассистентом Ленинградского университета, которому отдал около сорока лет жизни. С 1940 года он доцент, а после защиты в 1946 году докторской диссертации на тему «Опыт применения математической статистики в зоогеографии», в

* Мальчевский А.С., Полянский Ю.И., Хозацкий Л.И. 1971. Памяти Павла Викторовича Терентьева // *Вестн. Ленингр. ун-та* 9: 156-158.

1947 году его утвердили в звании профессора. В 1948 году Павел Викторович вынужден временно перейти в Биологический научно-исследовательский институт Ленинградского университета, а в 1951 году и вовсе покинуть на три года университет. Однако в 1954 году он получил возможность вернуться в него и возглавить кафедру зоологии позвоночных, на которой снова проработал свыше десяти лет. В 1965 году Павел Викторович Терентьев оставил кафедру и перешёл на заведование кабинетом биометрии, который организовался при кафедре генетики. В период временного оставления университета и в порядке совместительства с работой в нём он некоторое время заведовал кафедрой зоологии Вологодского педагогического института, был заместителем директора Биологической станции АН СССР на Рыбинском водохранилище («Борок»), заместителем председателя научного совета АН СССР по проблеме «Биологические основы освоения, реконструкции и охраны животного мира», а в годы Великой Отечественной войны – старшим научным сотрудником Зоологического института АН СССР. В 1946-1948 годах он был помощником проректора, а затем и проректором Ленинградского университета по заочному обучению.

Павел Викторович всегда ставил на весьма высокое место роль университетского преподавателя. Он любил преподавание, и его дар педагога прежде всего проявлялся в лекторской деятельности. На протяжении многих лет он читал ряд ведущих общефакультетских и специальных курсов и завоевал многочисленную и признательную аудиторию, в которой не было и не могло быть скучающих или равнодушных слушателей. Его великолепные лекции могут служить образцом успешного сочетания глубокой научной эрудиции, широчайшего кругозора учёного и блестящего педагогического мастерства.

Павел Викторович любил читать, и к своим лекциям он относился всегда с величайшей ответственностью, весьма заботясь о достаточно гармоничном соединении глубокого научного содержания с доходчивой и яркой формой изложения. Эта форма особенно пленяла слушателей. Они находили в его слове желанный отклик своим настроениям известной романтической приподнятости и исканиям чего-то возвышенного над повседневностью, что так свойственно студенческой аудитории. С большим умением и любовью к делу Павел Викторович нередко выступал также и в массовых аудиториях, где зарекомендовал себя как незаурядный популяризатор. Эта его массово-просветительская, популяризаторская деятельность нашла отражение и в ряде статей и брошюр, в которых он весьма интересно и глубоко научно освещал ряд широких вопросов биологии.

Преподавательская деятельность Павла Викторовича теснейшим образом сочеталась с научной. К науке он относился с подлинным благоговением и не мыслил себя вне науки. То, что он был учёным с

большим именем, широко известным не только в нашей стране, но и далеко за её пределами, объясняется не одним лишь объёмом сделанного им, но и в значительной мере его разносторонним и оригинальным подходом к решению тех научных задач, которые определяли основную линию его творческой деятельности. Павел Викторович не раз провозглашал ряд выработанных им принципов этой деятельности, среди которых было требование, чтобы каждая научная работа биолога отвечала трём условиям: эволюционной направленности, экологическому подходу и применению, по возможности, эксперимента и количественной аргументации. Эта последняя сторона, как многим известно, составляла наиболее яркую и оригинальную черту в свойственной ему направленности научных интересов. Самым ценным в зоологии Павел Викторович считал её мировоззренческое значение, а самой важной в связи с этим проблемой данной науки – проблему филогении и её причинное объяснение на основе правильного понимания единства организмов и среды.

Круг научных интересов и исканий Павла Викторовича был чрезвычайно широк. Ведущим направлением в его исследовательской деятельности было изучение вопросов систематики и географического распространения земноводных и пресмыкающихся. В области батрахологии (биологии земноводных) он представлял собой, бесспорно, научную величину мирового значения, что и было уже давно широко признано. Однако Павла Викторовича всё более и более занимали не частные стороны изучения названных животных, а решение общебиологических проблем на основании такого изучения. Он много внимания уделял вопросам теоретической систематики и проблеме изменчивости организмов. Им упорно разрабатывались, в частности, методы индексов и корреляций, созданное им учение о корреляционных плеядах, некоторые стороны проблемы вида и подчинённых ему категорий. Он одним из первых применил учение о параллельных рядах гомологичной изменчивости к зоологии. Много интересного сделал Павел Викторович и в области теоретической биогеографии, особенно в рамках применения к области этой науки методов математической статистики и теории вероятностей.

Являясь выдающимся специалистом в области изучения низших наземных позвоночных, Павел Викторович не ограничивал свои научные изыскания лишь традиционными исследовательскими направлениями. Его деятельность учёного с давних лет освещал неутомимый поиск новых путей познания и решения сложных специальных и общетеоретических вопросов. Его с полным правом можно назвать новатором в разрабатывавшихся им областях старой науки – зоологии. Хорошо известно, что особенно интересные достижения Павла Викторовича связаны здесь с оригинальным применением им к анализу био-

логических явлений математических методов. Здесь он не только сам достиг весьма больших творческих результатов, но, что чрезвычайно важно, возглавил даже далеко за пределами университета широкое движение в направлении разностороннего развития биоматематики. Особенно высокой оценки в этом плане заслуживает его энергичная деятельность по организации и проведению в 1958-1964 годах четырёх весьма представительных совещаний по вопросам применения математики в биологии. Эти совещания, проходившие в стенах Ленинградского университета, сделали его по праву одним из общесоюзных центров развития у нас биоматематики. Здесь же следует упомянуть и об организованных Павлом Викторовичем, впервые в нашей стране, двух герпетологических конференциях (в 1964 и 1967 годах), сыгравших большую роль в деле консолидации сил советских зоологов, изучающих разные стороны биологии земноводных и пресмыкающихся.

Труды Павла Викторовича, составляющие его научное наследие, могут служить хорошим примером верности исследователя своему предмету и методу, стремления учёного поднять изучаемую им область науки на новый, более высокий уровень понимания явлений природы. Всего им опубликовано около 150 работ, затрагивающих широкий круг вопросов. Видное место среди этих трудов занимают монографии и учебные руководства, в том числе написанный Павлом Викторовичем совместно с С.А.Черновым «Определитель земноводных и пресмыкающихся». Выдержавшая у нас и за рубежом пять изданий, эта книга является подлинной краткой энциклопедией в области батрахологии и герпетологии. В 1961 году им же выпущено первое в нашей стране, руководство «Герпетология», также переизданное за границей. Перу Павла Викторовича принадлежит превосходная крупная монография «Лягушка» (1950). Аналогичную по стилю монографию «Кролики» (1952) он выпустил в свет совместно с В.Б.Дубининым и Г.А.Новиковым. Уже ряд поколений учащихся высшей школы широко пользуется также троекратно изданным у нас учебным пособием Павла Викторовича Терентьева «Малый практикум зоологии позвоночных». Принял он участие и в написании ряда разделов в новейшем учебнике для средней школы «Зоология».

Павла Викторовича особо отличало сочетание исключительно широкой научной разносторонности с чрезвычайной работоспособностью и яркой индивидуальностью как личности – учёного и человека. Своеобразие его оригинальной натуры вполне гармонизировало, однако, с присущей ему общественной настроенностью. Он никогда не замыкался в себе, постоянно готов был делиться своими обширными познаниями, всегда внимательно прислушивался к критическим замечаниям коллег и со своей стороны умел достаточно объективно и доброжелательно оценивать труды и высказывания других. Его отличала демократич-

ность и простота в общении как со своими товарищами по работе, так и со студентами. Павел Викторович всегда охотно откликался на все важные общественные начинания, проявляя коллегиальность и отзывчивость. Будучи подлинным патриотом Ленинградского университета, он никогда не жалел своих сил для наилучшего выполнения насущных задач в деле подготовки кадров молодых специалистов и развития отечественной науки.

Скончался Павел Викторович Терентьев 30 декабря 1970 года. Добрая слава, заслуженная им его прекрасными трудами и высокими личными качествами, будет ему лучшим памятником.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2013, Том 22, Экспресс-выпуск 914: 2351-2365

Майские наблюдения за птицами на северном берегу Адриатического моря

Д.Н.Нанкинов, Н.Д.Нанкинов

Димитр Николов Нанкинов, Николай Димитров Нанкинов. Болгарский орнитологический центр, Институт зоологии Болгарской академии наук, бульвар Царя Освободителя, 1, София – 1000, Болгария. E-mail: nankinov@yahoo.co.uk

В первой половине мая 2013 года мы имели возможность наблюдать за птицами на самых северных участках побережья Адриатического моря, на территории Хорватии, Юго-Западной Словении и Северо-Восточной Италии. В хорватской части наблюдения велись в основном на полуострове Истрия, по берегам Риекского залива, ограниченного с юга островами Кварнерского архипелага (Крк, Црес) и Кварнерскими проливами. Обычно в утренние часы мы регистрировали всех встреченных птиц в постоянном пункте в районе Ичичи (город Опатия), а потом, до конца дня, проводили экскурсии в разные места: 1 и 2 мая – в городе Опатия и вдоль Восточного берега полуострова Истрия; 3 мая – в центральные и южные районы полуострова Истрия (Ичичи, Поляне, Пазин, Пула); 4 мая – город Риека и его окрестности; 5 мая – Ичичи, Опатия, Риека, Юго-Западная Словения; 6 мая – Ичичи, Риека, Юго-Западная Словения, Триест, Монфальконе, Венеция; 7 мая – Венеция; 8 и 9 мая – район Ичичи и Восточное побережье Истрии; 10 мая – Опатия, Риека, остров Крк (Омишаль – Крк – Юрандвор – Башка); 11 мая – Опатия, Риека, горы Горски котар.

Podiceps cristatus. В конце дня 4 мая мы наблюдали чомгу, охотившуюся в прибрежных участках моря почти в центре города Опатия.

Надо сразу оговориться, что море в этих местах очень чистое и изобилует рыбой. Птица, наверное, прилетела с ближайшего гнездовья. Малочисленность чомги в мае в Риекском заливе и в Кварнерских проливах, несмотря на обилие рыбы, можно объяснить отсутствием благоприятных мест для размножения. Возможно, эта особь прилетела из внутренних районов Истрии, где чомги регулярно гнездятся на водохранилище Битонига (Tutis *et al.* 1999). Ещё одну чомгу видели утром 7 мая в лагуне города Венеции.

Phalacrocorax carbo. Почти каждый день одиночные большие бакланы охотились в Риекском заливе и у посёлка Ичичи. В утренние часы некоторые особи отправлялись к самым северным участкам хорватской акватории Адриатического моря. Мы их отмечали также в заливах Опатии, Риеки, Пулы, Кралевицы, Башки и в море у Венеции. Больше всего (несколько десятков) их было в Венецианской лагуне и в портах Венеции, где они «дежурили» на сваях у рыболовных сетей, а также на столбах и электрических фонарях. Это были птицы, прилетевшие из соседних колоний. В последние годы XX века численность гнездящихся больших бакланов на севере Италии (район Фриули – Венеция – Джулия) значительно возросла (Tinarelli *et al.* 1997). Крупнейшая в Италии колония вида (280 гнёзд) находится на северо-востоке страны в Валь-Кампотто (Grieco *et al.* 1997).

Phalacrocorax aristotelis. Лишь однажды, 10 мая, на острове Крк в заливе города Башка охотился взрослый хохлатый баклан. Установлено (Benussi 1991), что на островах архипелага Кварнер гнездится от 500 до 688 пар хохлатых бакланов.

Ardeola ralloides. 1 мая низко над морским заливом у побережья Опатии пролетела с севера на юг стая из 6 жёлтых цапель. Этих цапель видели и над Венецианской лагуной. Из других видов цапель отмечали: малую белую цаплю *Egretta garzetta* – 6 мая, одиночка на полях севернее Венецианской лагуны, а в самой лагуне, на деревьях небольшого острова, сидело несколько особей; серую цаплю *Ardea cinerea* – 3 мая в 6 ч 30 мин над морским заливом у Ичичи с востока на запад пролетели 2 + 2 экз.; спустя час в этом же направлении летели и 2 рыжие цапли *Ardea purpurea*. 6 мая одиночные серые цапли пролетали в северном направлении над автотрассой у городов Триест и Монфальконе.

Anas platyrhynchos. Почти ежедневно в первой половине дня отмечали летящих в разных направлениях над заливом у города Опатия одиночных особей, пары или группы из 3 крякв. Пару видели и в середине дня 5 мая в Юго-Западной Словении, в долине маленькой речки под названием Река, где были луга и поля. В середине следующего дня летающих крякв замечали над долиной реки Изонца, недалеко от города Монфальконе в Италии

Летающих к северу малого подорлика *Aquila pomarina* и осоедов *Pernis apivorus* отметили 1 мая над восточными склонами полуострова Истрия. Охотившиеся перепелятники *Accipiter nisus* и канюки *Buteo buteo* встречались нам почти каждый день на постоянном пункте наблюдения или при поездках по Истрии, в окрестностях города Риека, на острове Крк, в Юго-Западной Словении и Северо-Восточной Италии. Самец перепелятника охотился за мелкими птицами, летая между деревьями и кустами во дворах Ичичи.

Одним из наших больших желаний было посетить остров Крк в надежде увидеть обитающих там белоголовых сипов *Gyps fulvus*, а также рассмотреть известную Башчанскую плиту – памятник глаголической письменности XI века. Плита хранится в церкви села Юрандвор. И именно здесь, над церковью и соседней скалистой вершиной, кружили в воздухе 5 белоголовых сипов. По словам жителя Юрандвора, над вершиной иногда собираются до 20 сипов. Раньше они гнездились на Крке, но люди травили их ядовитыми препаратами, вследствие чего они переселились на соседний остров Црес, однако регулярно посещают и Крк. Мы продолжили наблюдения за сипами и из соседнего города Башка. В 1980-е годы на островах архипелага Кварнер обитало 50-60 пар. Постоянная и сравнительно высокая численность гнездящихся птиц сохранялась на островах Црес, Крк и Првич. На островах Лошинь, Плавник, Голи и, возможно, Раб и Паг она была ниже и, видимо, менее постоянна (Perco *et al.* 1983). Во время летних трофических миграций кварнерские белоголовые сипы посещают соседние районы. Их отмечали в области Венеции (Stival 1990) и особенно часто (242 наблюдений с 1980 по 2005 год) в субсредиземноморских районах Словении (Mihelic, Genero 2005), а в период осенней миграции, на пути к зимовкам, сипы перелетают над горными цепями Альп, Карпат и болгарскими горными массивами. Помеченных крылометками особей отмечали в Австрии и Болгарии (Susic 1994).

Из других хищников встречали болотного луня *Circus aeruginosus* 5 мая возле реки южнее города Илирска Бистрица в Словении и чеглока *Falco subbuteo* – 1 мая над Ичичи, одну особь в полёте на север. Чаще всего нам встречалась пустельга *Falco tinnunculus*, буквально по всему району исследований. Кроме того, одиночных пустельг, возможно, припозднившихся мигрантов или охотившихся гнездовых особей регистрировали почти ежедневно в первой половине дня над пунктом наблюдений в Ичичи или высоко над морским заливом.

Лысуху *Fulica atra* впервые наблюдали вечером 4 мая. Она кормилась в маленьком заливе отбросами из ресторана, построенного на морском берегу Опатии. По всей видимости, птица гнездится где-то на побережье Риекского залива или на соседних островах архипелага Кварнер, а к ресторану в Опатии прилетает кормиться. Следующие

встречи лысух были утром 7 мая в Венецианской лагуне.

Larus cachinnans. Часть наших наблюдений за хохотуньями на северном побережье Адриатического моря уже опубликована (Нанкинов 2013а,б). В первой половине мая там шла хорошо выраженная миграция неполовозрелых особей на север. Она начиналась после восхода солнца и продолжалась обычно до обеда, больше всего мигрантов было с 8 до 9 ч (39% отмеченных особей). Гнездящиеся пары уже откладывали яйца или насиживали в гнёздах, расположенных на высоких домах в центральных районах городов Опатия, Риека, Пула, Венеция и других, расположенных в самых северных районах побережья Адриатического моря. На старых гостиницах и высоких домах Опатии гнездилось около 8 пар. Не менее 10 пар размножались на старинных зданиях в центре города Пула. Три пары гнездились в водосборных желобах на сохранившихся очень высоких массивных каменных стенах Колизея в городе Пуле – римского амфитеатра, построенного в I веке нашей эры, собиравшего более 20 тыс. зрителей. Несколько десятков пар хохотуньи гнездились в городе Риеке. О численности хохотуньи, размножающейся на домах Венеции, нам судить трудно, возможно, она достигает 100 пар. Только на высоких старинных домах, окружающих площадь Святого Марка (Библиотека Марчиана, Прокурации, Дворец Семьи Савойя и Дворец Дожей) были замечены 8-10 пар. Размножающиеся и неполовозрелые особи, в одиночку или группами, кормились в заливах, возле лодок и кораблей в портах и в местах выброса мусора. 1 мая наблюдали, как в заливе Ичичи стая из нескольких хохотуний кружила над ныряющим большим бакланом, пытаясь отнять у него пойманную рыбу. На бетонном причале в порту Опатии 10 мая отдыхали 19 хохотуний. Одна из них была примерно трёхлетнего возраста – с жёлтыми ногами, а 18 прошлогодних молодых – с розовеющими ногами. Скопление более чем из 60 хохотуний держалось в порту города Пула. Днём эти чайки проникали на север вглубь полуострова Истрия, где на лугах и полях охотились за грызунами и крупными насекомыми.

Подобные кормовые кочёвки осуществляли и чайки, скопившиеся на юге острова Крка, в заливе города Башка. Концентрация хохотуньи в этом заливе постоянно обновлялась: прилетали особи с других мест архипелага Кварнер, а в тоже самое время часть особей вылетали к соседней нагретой солнцем вершине, где набирали высоту в вертикальных воздушных потоках тёплого воздуха и летели на север. Подобные скопления, где хохотуньи набирали высоту и парили в воздухе в северном направлении, мы наблюдали в восточной части острова Крк (40 экз.), возле города Стара-Башка (20+30 экз.), Риека, Опатия, Ичичи, Пула и в других местах архипелага Кварнер. В конце дня (19 ч 30 мин) три стаи хохотуньи (15+8+8 экз.) охотились за грызунами и са-

ранчой на лугах и в огородах на берегах речки у селения Юрандвор. Несколько десятков хохотуний отдыхали 10 мая в заливе Бакар, находящемся между городом Риека и островом Крк. Большое скопление из 200 хохотуний держалось на свалке бытового мусора во внутренних районах острова Крк у города Стара-Башка. 4 мая около 80 хохотуний ловили мелкую рыбу в заливе у города Риека, а 10 особей охотились на прозрачной и богатой рыбой реке Мртви канал, спускающейся с гор и пересекающей город Риеку. Кроме того, в двух местах в самом центре города, где люди подкармливали чаек хлебом, собирались до 30 особей вместе с городскими голубями. В одном из этих скоплений мы заметили молодую хохотунью, помеченную жёлтым пластмассовым кольцом, но, к сожалению, не успели прочитать номер. Очень выразительными были драки между кормящимися чайками. Часть хохотуний, собиравшихся днём в заливе и центральной части города Риека, наверное, ночевали на берегах пролива Кварнер, т.е. на восточных берегах полуострова Истрия или на острове Црес, так как 6 мая рано утром (6 ч 45 мин) мы заметили две стаи из 60 и 30 птиц, летящие на север низко над заливом вдоль берега Ичичи. Много хохотуний были встречены нами в середине того же дня по маршруту Риека – Триест – Венеция, особенно между Триестом и Венецией, где одиночные птицы и стаи до 20 особей летели на север над автотрассой, а на распаханых полях, в заливах или в долинах небольших рек кормились отдельные особи или стаи от 10 до 80 экз. Взрослая хохотунья была сбита машиной у въезда в Венецию. В 1980-е годы на островах Венецианской лагуны гнезилось 800 пар хохотуньи (Fasola 1986). 10 лет назад в Триесте сформировалась крупная колония, насчитывающая около 300 пар с высокой успешностью размножения (Vembich 2001). Южнее Триеста, на западном побережье Истрии, близ хорватского города Ровин, в одной из колоний хохотуньи летом 1977 года гнезилось 584 пары (Spitzer 1978). Наверное, более 1000 хохотуний обитают на всей территории Венеции и соседних островов. Эти чайки встречаются и кормятся повсюду: в лагуне, портах, по Большому и узким каналам, по улицам и площадям. Скопления до 50 экз. образуются на деревянных сваях в заливе, в местах где заложены рыболовные сети или у стоянок кораблей, яхт и лодок. Рано утром (после 6 ч) на всё ещё безлюдных улицах Венеции хохотуньи разрывают полиэтиленовые мешки с мусором, оставленные ночью перед рестораном и кафе, и съедают находящиеся там остатки пищи.

Взрослые озёрные *Larus ridibundus* и малые *L. minutus* чайки, а также речные *Sterna hirundo* и малые *S. albifrons* крачки и охотились в лагуне и заливах Венеции. Одиночных речных крачек видели и в заливах Риека и Башка. На островах архипелага Кварнер кладки речных крачек страдают от хищничества хохотуний, но главным вра-

гом всех гнездящихся в районе крачек и чаек является серая ворона *Corvus cornix* (Stromar 1980).

Во всех населённых пунктах, которые мы посещали или через которые проезжали, особенно в их центральных районах, обитали городские сизаки или их гибриды с разными породами домашних голубей *Columba livia* var. *domestica*. Например, в центре Опатии кормилось более 100 особей, которые подбирали корм на улицах, площадях, заходили в открытые части ресторанов и кафе, а отдыхали на деревьях, электропроводах и на соседних домах. Много сизых голубей было в городе Пула. Скопления из нескольких десятков особей отмечены в старинной части Пулы, а в нишах высоких каменных стен Колизея гнезилось около 5 пар. Несколько десятков пар гнездятся на домах в городе Башка. Голуби собирают корм и на городском пляже. Мы уже упомянули о смешанных скоплениях хохотуний и сизых голубей в городе Риеке. В некоторых из них скапливается до ста голубей. Они гнездятся по всему городу в нишах стен или на чердаках старых домов. Между городами Триест и Венеция существовали колонии до 20 пар в заброшенных двухэтажных кирпичных домах. Тысячи сизаков живут в черте Венеции. Гнездятся и ночуют в нишах стен, на разных площадках и под крышами домов. Чтобы прогонять голубей, во многих местах, где эти птицы гнездятся или отдыхают, люди установили острые шипы. Из-за активной подкормки самая большая концентрация голубей образуется на площади Святого Марка. Каждый день бесчисленные туристы бросают голубям огромное количество корма. Рано утром площадь пустует, и там прогуливается не более 30 сизаков, но днём, когда туристы заполняют всю площадь, количество голубей возрастает в 10-20 раз. Голуби посещают рынки и узенькие улочки и подбирают корм буквально между ногами прохожих. Концентрации из десятков и сотен птиц возникают и на набережной города. Воркование самцов и брачные игры наблюдаются весь день.

Нам кажется, что через территорию Венеции проходит очень важная граница синантропизации вяхиря *Columba palumbus* в Европе. Этот вид гнездится в зелёной зоне города, в удалённых от центра парках и садах. Его численность высокая в районах, где имеются 1-3-этажные дома с растущими в дворах фруктовыми деревьями и огородами. Птицы собирают корм по дворам, газонам и аллеям, садятся и на крыши домов. Однако в центре города они отсутствуют. В Венеции вяхирь не достиг высокой степени урбанизации, т.е. он всё ещё не превратился в «площадную птицу», как например, городской сизый голубь. Однако такой многочисленной «площадной птицей» вяхирь является в расположенных западнее больших города Италии (например, Милане) и в городах Западной Европы. Известно, что в городах Англии вяхирь начал гнездиться около 1820 года, в Париже – в 1830-1840

годы, позднее вяхирь стал гнездиться в городах Голландии, Германии (Берлин, Галле, Лейпциг), Польше (Вроцлав) и Дании (1900-1910 годы) (Meller 1981; Tomialojc 1976). Основная причина заселения городов вяхирем – это его высокая численность на окружающей территории, обилие корма (расширение посевов зерновых) и малочисленность врагов. Успешность гнездования в городе на 50% выше, чем в сельской местности, в связи с меньшей гибелью кладок от хищников (Cramp 1972).

Широкая полоса распространения синантропного вяхиря, заселившего города, но ещё не превратившегося в «площадную птицу», ныне проходит от Венеции на северо-восток, через города Польши в сторону Калининградской области. Например, в парках Вроцлава и Легнице популяция вяхиря достигает соответственно 226 и 70 пар на 10 га площади, а успешность размножения составляет 44% (Gorski *et al.* 1998). Синантропная популяция вяхиря в Калининграде и городах Калининградской области использует 40% прошлогодних гнёзд, что позволяет ей максимально быстро приступать к размножению, минуя стадию гнездостроения (Астафьева и др. 2010). Восточнее упомянутой границы на Балканах (Нанкинов 2012) и в Восточной Европе вяхирь остаётся ещё «дикарём», находящимся в начальной стадии проникновения в сёла, курортные комплексы и города.

Columba oenas. Утром 2 мая над пунктом наблюдения в районе Ичичи пролетела на север пара клинтухов, а около 13 ч – ещё стая из 8 особей. На следующий день заметили 4 птицы во внутренних горных районах полуострова Истрия севернее города Пазин.

Streptopelia turtur. Одинокых горлиц отмечали на острове Крк, при поездке через горные районы Истрии (между Ичичи и Пулой), на юго-западе Словении и в Италии между Триестом и Венецией.

Streptopelia decaocto. Кольчатая горлица гнездится во всех населённых пунктах исследуемого района. С восходом солнца, слышен голос токующих самцов. Две пары гнездились в стенах Колизея в Пула, а по всему этому городу обитает не менее 100 пар. Приблизительно такая же численность и в Риеке. Кольчатая горлица населяет сёла и города в Юго-Западной Словении, а также в Италии между Триестом и Венецией. Гнездится и на всей территории Венеции.

Cuculus canorus. В первой половине дня на пункте наблюдения в Ичичи регулярно слышали и наблюдали перелетающую кукушку, которая, наверное, паразитировала на гнездящихся в районе черноголовых славках, южных соловьях, теньковках, белых трясогузках, огородных овсянках и других воробьиных птицах. Кукушки встречались на территории всего исследованного нами района.

Athene noctua. Лишь однажды, 2 мая, перед рассветом (около 4 ч 30 мин) слышали голос домового сыча в районе Ичичи.

Apus melba. Белобрюхий стриж гнезвился под длинным мостом, со-

единяющим материк с маленьким островом Святого Марка и далее с островом Крк. Других случаев регистрации этого вида не было, хотя известно, что он гнездится на хребте Вордана у города Башка и в других каменистых местах Кварнерского архипелага (Lovric 1971).

Apus apus. Самым многочисленным среди стрижей был чёрный. Его стаи, пары или одиночные особи кружились над всеми городами, над заливами и скалистыми местами обитания в исследуемом районе. Над Ичичи собирались до 20 особей, над центром Опатии – до 80 экз. Примерно 80 пар гнездятся под крышами высоких строений в городе Башка. Сотни пар выводят птенцов в Венеции, на высоких домах по всей Риеке, на старых высоких домах в центре Пулы (в стенах Колизея – 8 пар). Стрижи охотились с раннего утра и до наступления темноты. Некоторые пары копулировали в воздухе. При хорошей погоде чёрные стрижи охотились высоко в небе. Они продолжали охотиться даже при мелком дожде, но спускались ниже, но во время ливня полёты прекращались. После прекращения дождя стрижи сначала кружились низко над землёй.

Apus pallidus. В местах кормёжки чёрных стрижей охотились и бледные стрижи, которые тоже проникли в эти районы Адриатики (Susic *et al.* 1988). Впервые бледный стриж обнаружен гнездящимся на архипелаге Кварнер на острове Дуги Оток. Здесь колония этих птиц найдена летом 1966 года (Rusner 1968), а на полуострове Истрия в самой южной его оконечности (мыс Каменяк) гнездование бледного стрижа установлено летом 1986 года (Sere 1987).

Изредка нам встречались сизоворонки *Coracias garrulus* и удоны *Upupa epops*. Первый вид мы отмечали возле дороги, ведущей из Риеки на остров Крк, и в Юго-Западной Словении у села Градец (5 мая). Тогда же, южнее города Илирска Бистрица был замечен и удо.

Dendroscopus major. Несколько раз в разных местах слышали и видели большого пёстрого дятла. Одна пара этого вида гнездилась рядом с нашим пунктом наблюдения в Ичичи, другая – на набережной Опатии, а третья обитала в районе возле замка Трсат над Риекой.

Хохлатого *Galerida cristata* и полевого *Alauda arvensis* жаворонков мы встречали и слышали на острове Крк и полуострове Истрия севернее Пулы. Одиночных хохлатых жаворонков замечали также на обочине дорог между городами Риека и Триест.

На пункте наблюдения в Ичичи 2 мая были отмечены летящие на северо-запад 1 + 2 + 4 + 3 + 1 береговые ласточки *Riparia riparia*. В этот день на север пролетели также 1 + 1 + 2 + 1 городские ласточки *Delichon urbica*. Возможно, подобная запоздавшая весенняя миграция этих ласточек происходила и в соседних районах и в другие дни, но мы её не отмечали. Позднюю и более многочисленную весеннюю миграцию совершали деревенские ласточки *Hirundo rustica*. Они летели по-

одиноким или рыхлыми стаями, достигающими до 10 экз. Иногда (5 мая) первые мигранты (3 экз.) появлялись ещё до восхода солнца, в 5 ч 40 мин. За 4 ч в утренние часы над пунктом наблюдения в Ичичи на север переместились до 60 деревенских ласточек. Часть мигрантов отклонялись на северо-запад, пересекая горные хребты Истрии, другие продолжали лететь на север, иногда низко над берегом или над Риекским заливом. Некоторые стаи садились на мачты яхт, стоящих в гавани Опатии. Наблюдалась и обратная миграция. Рано утром 3 мая (6 ч 35 мин) на юго-восток высоко пролетела рыхлая стая из 7 особей. Деревенские и городские ласточки гнездились почти во всех населённых пунктах, которые мы посещали или через которые проезжали. Множество пар гнездились в городах Опатия, Риека, Башка и Венеция. На территории Башки обитало около 200 пар городских и 50 пар деревенских ласточек. Только на фасаде Хорватского народного театра имени Ивана Зайца в Риеке располагалось 30 жилых гнёзд городских ласточек. 25 пар этого вида откладывали яйца и насиживали в гнёздах, находящихся под крышей гостиницы «Фонтана» в городе Башка. На скалах в окрестностях этого города размножались ещё около 15 пар городских ласточек. Под тремя мостами, построенными на автомагистрали Риека – Пула, за тоннелем Учка существовали гнездовые колонии по 10-20 пар городских и деревенских ласточек, причём городская была многочисленнее. Вместе с ними здесь гнездились и 2 + 2 пары рыжепоясничных ласточек *Hirundo daurica*. Впервые этот вид отмечен на полуострове Истрия в 1955 году в районе города Ровинь (Bernhauer 1957), а 35 лет спустя он уже заселил весь полуостров и Адриатическое побережье Далмации (Stipcevic, Lukac 1991).

Motacilla alba. Белые трясогузки были обычными гнездящимися птицами не только в населённых пунктах, но и по всему исследуемому нами району. Несколько пар гнездились на территории яхт-клуба и на набережной Опатии. Пара гнездилась под черепичной крышей дома рядом с пунктом наблюдения в Ичичи. Рано утром птицы ловили на освещённых солнцем оконных стёклах, на стенах, балконах и черепичных крышах первых насекомых, в основном мух. В остальные часы дня они охотились во дворах, у дорог или на берегу моря.

Жуланов *Lanius collurio* мы отмечали на полуострове Истрия, на острове Крк, при пересечении горы Горски котар и в Юго-Западной Словении. Нам показалось, что по северному побережью Адриатического моря эта птица малочисленнее, чем на территории Болгарии. То же самое можно сказать и о зарянке *Erithacus rubecula*. 1 мая около 20 ч мы слушали самца зарянки, поющего в кроне дуба на набережной города Опатии. Зато пение южного соловья *Luscinia megarhynchos* было слышно повсюду. В окрестностях пункта наблюдений в Ичичи гнездились две пары. Самцы этих пар начинали петь около 4 ч 30 мин, а

иногда их песня не умолкала всю ночь. Много пар гнездилось среди кустов вдоль речушек и дорог на острове Крк.

Горихвостка-чернушка *Phoenicurus ochruros* нам попадалась редко. Поющего самца заметили 5 мая на крыше одного из домов в Илирской Бистрице. При пересечении полуострова Истрия, острова Крк и горы Горски котар мы регистрировали одиночных луговых чеканов *Saxicola rubetra*, обыкновенных *Oenanthe oenanthe* и чернопегих *O. hispanica* каменок. Благоприятные места для гнездования каменок имеются на лишённых растительности участках острова Крк.

Turdus merula. Многочисленной гнездящейся птицей северного побережья Адриатического моря является чёрный дрозд. Плотность популяции особенно высока в городах (Опатия, Пула, Риека, Юрандвор, Башка и др.), где на каждые 100 м возле улиц и во дворах можно встретить 1-2 пары. Гнездовые пары встречались на домах и в центре Венеции – там, где отсутствовала всякая растительность. Высокая численность была в городских парках. Две пары обитали неподалёку друг от друга – в соседних дворах, рядом с пунктом наблюдения в Ичичи. Часто между самцами возникали стычки. Самки откладывали яйца или насиживали. Другие пары в Опатии уже выкармливали гнездовых птенцов. По сравнению с восточными районами Балканского полуострова, в Западных Балканах чёрный дрозд находится на более высокой ступени урбанизации. Например, в центре Опатии эти птицы собирают корм не только в парках, дворах, на улицах, площадях и газонах, но залетают также в открытые рестораны и кафе, подбирая еду под столами и стульями и даже между ногами посетителей. Некоторые самцы ловили насекомых на цветущих кустах, подпрыгивая с земли до 1 м в высоту. Самцы начинают активно петь с 3 ч, с восходом солнца их активность падает, а днём они поют намного реже. Главными врагами чёрных дроздов в этих местах являются домашние кошки, серые вороны и ястребы-перепелятники. Пение певчего дрозда *Turdus philomelos* слышали 1 мая в Ичичи, а одну особь заметили 6 мая западнее Венеции. Пролетающего над дорогой дерябу *Turdus viscivorus* видели при пересечении горы Горски котар.

Hippolais polyglotta. Рядом с нашим пунктом наблюдений в Ичичи гнездилась пара многоголосых пересмешек. Каждый день мы слышали, а иногда и видели поющую птицу. Они гнездились и в других районах Опатии, а также в Пуле. В песню этой пересмешки входили отрывки из песен гнездящихся рядом славки-черноголовки, зяблика и некоторых других певчих птиц. На полуострове Истрия и островах архипелага Кварнер обитают также бледная *Hippolais pallida* и зелёная *H. icterina* пересмешки (Матвејев, 1976).

Sylvia atricapilla. Многочисленной гнездящейся птицей северного побережья Адриатического моря была славка-черноголовка. Во время

нашей поездки мы повсюду слышали её песни. Пары гнездились в зелёных зонах населённых пунктов (дворы, сады, скверы, парки). Множество пар обитало по всему побережью Риекского залива, особенно в Опатии, а также на острове Крк. Две пары гнездились в соседних дворах у пункта наблюдений в Ичичи. Самцы активно пели ночью (после 3 ч) и днём. Численность вида была высокой и в парках Венеции. В дворах Ичичи гнездилась также теньковка *Phylloscopus collybita*, но её численность в районе исследования была намного ниже, чем численность славки-черноголовки.

Среди синиц самой многочисленной была большая синица *Parus major*, которая гнездилась в населённых пунктах по всему исследуемому нами району. В Опатии она располагала гнёзда в неровных стенах домов и в дуплах деревьев. Некоторые взрослые птицы собирали гусениц в кронах дубов и кормили ими гнездовых птенцов. Десятки пар обитали на лесистом горном склоне по обеим сторонам длинной лестницы (540 ступенек), соединяющей Риеку с замком Трсат. Песня самцов нам показалась более звонкой и немного отличающейся от песни больших синиц, населяющих восточные районы Балканского полуострова. Редко встречались лазоревки *Parus caeruleus*. Около 5-6 пар ополовников *Aegithalos caudatus* обитали в районе упомянутой длинной лестницы, соединяющей Риеку и замок Трсат. Редко видели поползня *Sitta europaea* и слышали его голос.

Emberiza cirrus. Огородная овсянка – синантропная птица, населяющая населённые пункты восточного побережья Истрии. Почти каждое утро мы имели возможность наблюдать за парой огородных овсянок, гнездящихся во дворе рядом с нашим пунктом наблюдений в Ичичи. Самец часто и подолгу отдыхал на одной и той же сухой ветке на самой вершине дуба, а иногда и на фонарном столбе. Он активно пел утром (после 7 ч 10 мин). По соседству раздавалась песня и другого самца. 9 мая мы наблюдали птицу, таскающую корм, поэтому предполагаем, что птенцы к тому времени уже вылупились.

Fringilla coelebs. Зяблик был одной из самых многочисленных птиц северного побережья Адриатического моря. Он гнезвился в лесах, парках, фруктовых садах и дворах, особенно в городах Опатия, Риека, Пула, а также в дубовых лесах между городами Риека и Триест. Плотность популяции на набережной Опатии была такова, что самцы пели через каждые 100 м. Особено активно они пели в ранние утренние часы. Пели и во время дождя. Слышали и рюмющий позыв, которой отличается от рюмения зябликов, например, в Восточных Балканах или в Ленинградской области.

Serinus serinus. В нашем пункте наблюдений в Ичичи мы каждый день слушали пение и наблюдали за токовыми полётами двух самцов канареечного вьюрка. Они токовали и во время дождя. Во дворах

Ичичи гнездились около 10 пар этого вида. Много канареечных вьюрков гнездится в Опатии, в основном на набережной и в городском парке, а также и в Пуле. Так, над высокими каменными стенами Колизея в Пуле 3 мая кружились и пели два самца.

В шаровидно оформленных кронах деревьев в центре Опатии гнездились примерно по 5 пар зеленушек *Carduelis chloris* и щеглов *Carduelis carduelis*. Столько же пар обоих видов гнездились в городском парке. Гнездовая популяция этих видов на территории Башки была в два раза больше. Зеленушки и щеглы выводили птенцов также в парках городов Пула, Риека и по лесистым склонам холма, где расположен замок Трсат. Канареечные вьюрки, зеленушки, щеглы и дубоносы *Coccothraustes coccothraustes* гнездились в парках и по улицам с деревьями в стороне от центра Венеции. Стаи из 3-5 щеглов и коноплянок *Carduelis cannabina* отмечали 2 и 3 мая в Ичичи. Коноплянки летели на северо-запад, пересекая хребты полуострова Истрия.

Во всех населённых пунктах северного побережья Адриатического моря живут домовые *Passer domesticus* и полевые *P. montanus* воробьи. Однако их численность не высока. Больше всего их гнездится в центральных городских районах, в нишах стен и под черепичными крышами домов. Корм воробьи собирают в открытых ресторанах и кафе, в местах подкормки голубей или выброса мусора. На столе ресторана в центре Венеции, спокойно разгуливал и кормился самец гибрида домового и испанского воробья *P. domesticus* × *P. hispaniolensis*; эта форма известна также как итальянский воробей *Passer italiae* (Vieillot, 1817). Испанский воробей начал заселять полуостров Истрия в 1990 году. На белых тополях *Populus alba* у эстуария реки Мирна, в окрестностях Новграда с 1992 по 1999 год гнездились 13-30 пар. Наблюдались и гибриды с домовым воробьём (Rubinić 2001).

Sturnus vulgaris. Гнездящиеся скворцы часто встречались в городах и сёлах на юго-западе Словении, северо-востоке Италии и на острове Крк. Они гнездились в стенах и под крышами домов, в дуплах деревьев и в других нишах. Выводили птенцов также в городах Пула и Венеция. 10 мая на острове Крк, в селе Юрандвор и городе Башка, скворцы (примерно 10 и 50 пар соответственно) уже кормили гнездовых птенцов. В конце дня 1 мая кочующая стая скворцов отдыхала на мачте одной из яхт в гавани Опатии.

Garrulus glandarius. Пара соек гнездилась в дубовом лесу по склонам гор западнее Ичичи. Почти каждое утро одна из них или обе вместе летели в поисках пищи вниз, к населённому пункту. Эти птицы встречались также в Опатии, Риеке и по склонам гор между Риекой и замком Трсат. Нередко мы их видели при поездках через внутренние районы Истрии, а особенно часто – в юго-западной Словении, где растут хорошие дубовые леса.

Pica pica. По сравнению с Болгарией, где сорока является сравнительно многочисленным синантропным видом, на северном побережье Адриатического моря она – редкая и почти дикая птица. О её присутствии мы могли судить чаще всего по старым или новым гнёздам, построенным вдоль дорог, в кронах деревьев или кустов. Одиночных сорок видели на северных окраинах Пулы, в окрестностях Илирской Бистрицы, Триеста и западнее Венеции.

Corvus monedula. Поселения галок существовали в центральных районах больших городов на северном побережье Адриатического моря. Сравнительно много пар гнездились на старых зданиях и стенах крепости в Пуле и по всему городу Риека.

Corvus frugilegus. Грачей отмечали: 1 мая – 4 экз. над Опатией; 3 мая – особь, летящую с севера на юг над Ичичи. В этот день над центром Пулы пролетела стая из 17 особей, направляясь к соседнему лесному участку.

Corvus cornix. Серые вороны обитали рядом с нашим наблюдательным пунктом и каждый день осматривали кроны деревьев и кустов в поисках чужих гнёзд. Они склёвывали жуков и других насекомых с цветков бузины. Летали и в сторону морского берега, где кормились в гавани и на свалках. Их активность начиналась утром, после 5 ч 50 мин. В жаркие часы дня птицы сильно раскрывали рот. Серые вороны обитали и в других населённых пунктах и их окрестностях по всему северному побережью Адриатического моря.

Corvus corax. Воронов отмечали недалеко от храма «Святого Петра» (село Поляне, Истрия). Две пары птиц кружились вместе с белоголовыми сипами над вершиной у села Юрандвор. 5 мая, при поездке через юго-западную Словению, во дворе одной деревни мы нашли старого ворона, запертого в вольере рядом с дорогой. Очень удачно сделанные муляжи воронов крепились на вершинах мачт двух больших яхт в порту Ичичи. Присутствие воронов на яхтах, наверное, олицетворяет надежду на безопасное плавание. Культ ворона распространён среди индоевропейских народов, а в легенде о Ноевом ковчеге ворон является одним из самых важных персонажей (Константинов и др. 2000).

В первой половине мая 2013 года на северном побережье Адриатического моря нами были встречено 76 видов птиц. Интерес представили наблюдения за белоголовыми сипами у села Юрандвор на острове Крк, очень быстрый рост численности и синантропизации чайки-хохотуньи на берегах Адриатического моря, их миграции и расселение на север, большие концентрации городских сизых голубей в Венеции и в центрах других городов, встречи многоголосой пересмешки и другое. На северных берегах Адриатического моря, через Венецию на северо-

восток, в сторону Калининградской области, проходит граница урбанизации вяхиря в Европе. Западнее этой полосы вяхирь достиг высшей степени урбанизации и во многих крупных городах Западной Европы превратился в многочисленную «площадную птицу». Восточнее этой границы, на Балканах и в Восточной Европе, он всё ещё дикарь или находится в начальной стадии проникновения в сёла, курортные комплексы и города. На северных берегах Адриатики чёрные дрозды, огородные овсянки и канареечные вьюрки – более синантропны, чем в Болгарии. Иначе обстоит дело с белобрюхим стрижем, который селится в основном на скалистых участках архипелага Кварнер, а в Болгарии после 1979 года заселил город Софию и ныне превратился в многочисленную птицу болгарских городов (Нанкинов 1982, 2012). То же самое мы видим у горихвостки-чернушки и сороки. В Восточных Балканах они гнездятся во всех населённых пунктах, а на западе Балканского полуострова их синантропизация, по-видимому, только начинается.

Наши наблюдения за птицами северного побережья Адриатического моря мы оцениваем как скромное дополнение к множеству исследований, проведённых в этих местах хорватскими, словенскими и итальянскими орнитологами и опубликованными в орнитологических журналах «Larus», «Acrocephalus», «Rivista italiana di ornitologia» и других, часть которых упоминается в данной статье.

Л и т е р а т у р а

- Астафьева Т.В., Гришанов Г.В., Лыков Е.Л. 2010. Повторное использование гнёзд в синантропных популяциях вяхиря // *Орнитология в Северной Евразии*. Оренбург: 37-40.
- Константинов В., Лебедев И., Маловиченко Л. 2000. *Птицы в фольклоре, в мифах, легендах, народных названиях*. М.; Ставрополь: 1-124.
- Матвејев С. 1976. *Преглед фауне птица Балканског полуострва. I део. Делити и птице певачице*. Београд: 1-365.
- Нанкинов Д. 1982. Птиците на град София // *Орнитол. информ. бюл.* **12**: 1-386.
- Нанкинов Д. 2012. *Каталог на българската орнитофауна. Catalogus ornithofaunae bulgaricae*. София: 1–358.
- Нанкинов Д.Н. 2013а. Поздневесенняя миграция неполовозрелых западных хохотуний *Larus cachinnans michahellis* на полуострове Истрия в Хорватии // *Рус. орнитол. журн.* **22** (903): 2033-2037.
- Нанкинов Д.Н. 2013б. Чайка, похожая на армянскую *Larus armenicus*, встречена в Венении // *Рус. орнитол. журн.* **22** (910): 2248-2251.
- Bembich L. 2001. First breeding of the Yellow-legged Gull *Larus cachinnans michahellis* in the Karst // *Acrocephalus* **22**, 109: 227-228.
- Benussi E. 1991. Distribuzione e stima della popolazione nidificante di Cormorano del ciuffo (*Phalacrocorax aristotelis desmarestii* Payraudeau, 1826) nell'Adriatico settentrionale // *Supplemento alle Ricerche di Biologia della Selvaggina* **17**, 1: 21-25.
- Bernhauer W. 1957. Ornithologische Beobachtungen an der Adriakuste // *Larus* **9/10**: 143-148.
- Cramp S. 1972. The breeding of urban woodpigeons // *Ibis* **114**, 2: 163-171.

- Fasola M. 1986. Distribuzione e popolazione dei Laridi e Sternidi nidificanti in Italia // *Supplemento alle Ricerche di Biologia della Selvaggina* **11**, 1: 1-179.
- Gorski W., Antczak L., Hermanski T. 1998. Survey and monitoring of breeding habitats: The breeding, ecology of the wood pigeon *Columba palumbus* in urban areas of north-west Poland // *Acta zool. lituan.* **8**: 137-143.
- Gory G., Andre R. 1997. Predation du Martinet noir *Apus apus* par le Goeland leucophee *Larus cachinnans* // *Alauda* **65**, 2: 197-198.
- Grieco A., Veronesi E., Frugis S. 1997. The Cormorant colony of Val Campotto (NE Italy): Recent changes in structure and breeding biology // *Supplemento alle Ricerche di Biologia della Selvaggina* **26**: 469-475.
- Lovric A. 1971. Ornitogene biocenoze u Kvarneru // *Larus* **23**: 39-72.
- Meller A. 1981. Biotopvalg, bestandstaethed, bestandsstorrelse of bestandsaendringer hos Ringduen (*Columba palumbus*) i Danmark // *Flora og fauna* **87**, 1: 15-23.
- Mihelic T., Genero F. 2005. Occurrence of Griffon Vulture *Gyps fulvus* in Slovenia in the period from 1980 to 2005 // *Acrocephalus* **26** (125): 73-79.
- Perco F., Toso S., Susic G., Apollonio M. 1983. Initial data for Griffon Vulture (*Gyps fulvus fulvus* Hablizl, 1783) in the Kvarner archipelago // *Larus* **33/35**: 99-134.
- Rubinic B. 2001. Sirjenje severozahodne meje gnezditvenega areala travniškega vrabca *Passer hispaniolensis* vzdolz jadranske obale: Kako se vede nova populacija v Hrvaski Istri // *Acrocephalus* **22** (109): 207-211.
- Rucner R. 1968. O nasoj endemskoj podvrsti *Apus pallidus illyricus* (Tschusi) // *Larus* **20**: 28-44.
- Sere D. 1987. Sivi hudournik *Apus pallidus* gnezdi v Istri // *Acrocephalus* **8** (31/32): 2-8.
- Spitzer G. 1978. Zur Reproduktionsrate der Mittelmeer-Silbermowe (*Larus argentatus michahellis*) // *Vogelwarte* **29**, 4: 272-275.
- Stipcevic M., Lukac G. 1991. Survey of spreading and breeding range changes of the red-rumped swallow // *Larus* **43**: 37-49.
- Stival E. 1990. Interessanti osservazioni ornitologiche nel Veneto // *Riv. Ital. ornitol.* **60**, 1/2: 101.
- Stromar L. 1980. New insight on the alliance between *Larus argentatus michahellis* and *Sterna hirundo* nesting on small Adriatic islands // *Larus* **31/32**: 91-95.
- Susic G. 1994. Wing-marking of European Griffons *Gyps fulvus* in Croatia – evaluation and initial results // *Raptor Conservation Today*. Berlin: 373-380.
- Susic G., Radovic D., Bartovsky V. 1988. Znanstvena zbirka pticjih svlakova Zavoda za ornitologiju JAZU // *Ornitologija u Hrvatskoj*: 37-88.
- Tinarelli R., Ulmar P., Perco F. 1997. Assessment of the attraction level of fish-farms and larger wetlands for the Cormorant in Friuli-Venezia Giulia (N Italy) // *Supplemento alle Ricerche di Biologia della Selvaggina* **26**: 557-562.
- Tomialojc L. 1976. The urban population of the woodpigeon *Columba palumbus* Linnaeus, 1758, in Europe – its origin, increase and distribution // *Acta zool. cracov.* **21**, 18: 585-631.
- Tutis V., Susic G., Radovic D., Bartovsky V. 1999. The avifauna of the Butoniga storage reservoir // *Larus* **47**: 7-21.

Внутривидовая дифференциация и концепция подвида в орнитологии

В.М.Лоскот

*Второе издание. Первая публикация в 1986**

В сложной картине внутривидовой географической изменчивости можно выделить два крайних типа. Первый из них связан с возникновением географических изолятов – генетически замкнутых или почти замкнутых популяций, различия между которыми нарастают с течением времени. Среди факторов их дифференциации важную роль играет генный дрейф. Большинство таких изолятов приобретает чёткие морфологические отличия, их выделение в качестве подвидов оправдано и обычно не вызывает затруднений. При этом территориально близкие формы могут быть не более сходными между собой, чем отдалённые. Между морфологической и генетической обособленностью подвидов чёткого соответствия нет.

Второй крайний тип географической изменчивости связан с отсутствием изолирующих барьеров. Популяции генетически не замкнуты, ведущие эволюционные факторы – поток генов и естественный отбор. В результате отсутствия изолирующих механизмов и под влиянием градиентов условий среды возникает клинальная изменчивость многих признаков. При этом градиенты различных признаков, как правило, не совпадают, чётко обособленные комплексы признаков отсутствуют, и обосновать выделение подвидов не удаётся.

Противоположные взгляды на целесообразность применения категории подвида связаны преимущественно с абсолютизацией одного из описанных типов географической изменчивости. Многие конкретные случаи, наблюдаемые в естественных условиях, находятся в промежутке между этими крайними типами. Барьеры между популяциями неполные или со временем нарушаются, и изоляты вступают в контакт с образованием зон вторичной интеграции. Несмотря на исчезновение барьеров, некоторые из бывших изолятов обладают необходимыми отличиями, позволяющими считать их подвидами.

Таким образом, содержание концепции подвида связано главным образом с процессами дифференциации популяций в условиях географической изоляции; эта категория не может отразить всей сложности и разнообразия географической изменчивости видов.

* Лоскот В.М. 2013. Внутривидовая дифференциация и концепция подвида в орнитологии // *Изучение птиц СССР, их охрана и рациональное использование*. Л., 2: 37-39.

Категория подвида, выделенного на основании таких объективных критериев, как географическая изоляция и морфологическая обособленность по многим признакам, которой обычно сопутствуют существенные отличия неморфологических признаков (экологических, этологических и др.), имеет эволюционный смысл. Она отражает дифференциацию популяций на промежуточных этапах видообразования. Хотя возможность обратимости этого процесса не исключена, внутривидовая категория подчёркивает своеобразие эволюционной истории некоторых популяций, в ходе которой они приобрели специфические сочетания признаков. Критерий репродуктивной изоляции ограничивает область применения концепции подвида «сверху» в случаях достижения популяциями видового уровня обособления. В качестве критерия «нижней» границы подвида теоретически следовало бы принять отсутствие полной генетической совместимости дивергировавших популяций, но в практической работе обычно используется неравномерное (ступенчатое) изменение градиентов нескольких независимых признаков. Известное «правило 75%» не может служить обоснованием выделения подвидов в связи с субъективностью этого критерия (изменяется в зависимости от набора признаков и методов статистической обработки).

Резюмируя, можно предложить следующее определение категории: **подвид** – возникшая в результате изоляции популяция или совокупность фенотипических сходных популяций, населяющих часть ареала вида. Подвид служит важной таксономической категорией, применение которой способствовало становлению концепции политического вида и совершенствованию системы таксонов видового ранга. Корректно выделенные подвиды представляют интерес не только для систематиков, но и орнитологов других специальностей, прежде всего, экологов, этологов, физиологов. Они полезны при обсуждении эволюции адаптаций, в ходе которой происходят изменения занимаемых ниш (например, у подвидов камышовой овсянки *Emberiza schoeniclus*). Успешно используются подвиды в зоогеографии, особенно при выяснении вопросов, связанных с изменениями природной обстановки в плейстоцене и голоцене. Морфологически чётко маркированные подвиды способствуют расширению знаний о передвижениях птиц (перелётах, залётах, дисперсии и зимовках). Сведения о подвидовом разнообразии важны также при оптимизации отношений человека с птицами, включая охрану последних.

Актуальная задача современной систематики – сокращение числа форм, описанных в результате неверного применения концепции подвида, прежде всего, на недостаточном материале или на основе таких проявлений внутривидовой изменчивости, как возрастная, сезонная и др. Выделение подвидов должно основываться на результатах деталь-

ного анализа географической изменчивости нескольких независимых признаков, по возможности, в пределах всего видового ареала. Для такого анализа часто требуются большие серии (сотни экземпляров), поэтому резко возрастают требования к коллекциям, объём которых для большинства видов остаётся явно недостаточным.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2013, Том 22, Экспресс-выпуск 914: 2368-2369

Редкие виды куриных птиц Копетдага и вопросы их охраны

Ю.В.Мищенко

Второе издание. Первая публикация в 1986*

На территории Копетдага каспийский улар, фазан и турач являются редкими и распространены крайне неравномерно.

Каспийский улар *Tetraogallus caspius*. Встречается на ограниченном участке высокогорья Центрального Копетдага между горами Семансур и Луджа (Копетдагский заповедник), где обитает около 300 особей. Изолированная популяция (около 40 особей) населяет гору Душак. В Западном Копетдаге единичные особи встречены зимой 1977 года у села Куруждей (Константинов и др. 1982) и весной 1979 года на горе Учкую (А.К.Филатов, устн. сообщ.). В Восточном Копетдаге встречается на хребте Зеракау (В.М.Коршунов, устн. сообщ.). Основная часть популяции каспийского улара находится в пределах Копетдагского заповедника, что обеспечивает надёжную охрану. За пределами охраняемых территорий (в первую очередь, на горе Душак) численность улара неуклонно сокращается. Сохранить эту популяцию можно лишь включив массив Душак в состав заповедника.

Фазан *Phasianus colchicus*. Раньше был представлен в Копетдаге двумя подвидами. В настоящее время сохранился лишь *Ph. s. persicus* (Severtzov, 1875), который ранее был широко распространён в Западном Копетдаге и заходил даже в Центральный Копетдаг (Дементьев 1952), а сейчас встречается лишь в отдельных местах бассейнов рек Сумбар и Чандыр. Общая численность не превышает 200 особей. Дальнейшее сокращение численности грозит полным исчезновением этой формы на территории нашей страны. В связи с этим предлагается занести персидский подвид фазана в Красную книгу СССР.

* Мищенко Ю.В. 2013. Редкие виды куриных птиц Копетдага и вопросы их охраны // *Изучение птиц СССР, их охрана и рациональное использование*. Л., 2: 77-78.

Ph. c. principalis (Sclater, 1885) до 1940-х годов гнезвился по речкам предгорий Восточного Копетдага (Дементьев 1952). К настоящему времени здесь полностью исчез, что связано с истреблением прибрежной растительности. Реакклиматизация этой формы сейчас возможна лишь в Меана-Чаачинском заказнике Копетдагского заповедника, для которого реально переселение птиц с поймы реки Теджен.

Турач *Francolinus francolinus* местами (например у посёлка Каракала) стал довольно обычным. На реке Чандыр он по настоящее время отсутствует, несмотря на наличие подходящих для гнездования биотопов. Восстановление его там возможно за счёт переселения птиц из низовий реки Атрек.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2013, Том 22, Экспресс-выпуск 914: 2369-2371

Дисперсия и филопатрия у мухоловки-пеструшки *Ficedula hypoleuca* на Куршской косе

Л.В.Соколов, В.Г.Высоцкий, А.В.Бардин

Второе издание. Первая публикация в 1986*

В настоящем сообщении приведены основные результаты нашего специального многолетнего исследования послегнездовой дисперсии и филопатрии у мухоловки-пеструшки *Ficedula hypoleuca* на Куршской косе за 1981-1985 годы.

Анализ поимок в послегнездовой период окольцованных в дуплянках молодых птиц в стационарные ловушки, которые находятся в центре исследуемого участка косы (длиной 9 км) показал следующее.

1) Средний возраст, в котором птицы продолжают находиться в районе рождения (в радиусе 1 км), составляет 35 ± 0.8 сут ($n = 90$).

2) Основная часть молодых птиц (67%) уходит из района рождения к возрасту 37 сут (20 июля). 95% особей покидает его к возрасту 47 сут (30 июля). Лишь 5% особей задерживается в районе своего рождения до возраста 48-55 сут.

3) В стационарные ловушки в процессе послегнездовой дисперсии попало 149 особей, из них 91 (61.1%) родилась на расстоянии в 0-1 км от ловушек, 26 (17.4%) в 1.01-2 км, 13 (8.7%) в 2.01-3 км, 13 (8.7%)

* Соколов Л.В., Высоцкий В.Г., Бардин А.В. 2013. Дисперсия и филопатрия мухоловки-пеструшки на Куршской косе // *Изучение птиц СССР, их охрана и рациональное использование*. Л., 2: 249-251.

в 3.01-4 км, 6 (4.0%) в 4.01-4.5 км. Кроме того, было поймано 11 особей в возрасте 30-50 сут, родившихся на расстоянии 5-15 км.

4) Средняя дистанция послегнездовой дисперсии для 149 молодых особей, которые ловились 189 раз, составила в возрасте 22-30 сут – 1020 ± 155 м ($n = 54$), 31-35 сут – 1430 ± 174 м ($n = 59$), 36-40 сут – 1380 ± 213 м ($n = 42$), 41-55 сут – 1310 ± 212 м ($n = 34$).

5) Доли молодых птиц, совершивших юго-западное смещение при дисперсии (78%) и совершивших северо-восточное смещение (22%) статистически значимо отличаются от 50% ($n = 149$; $P = 0.001$).

Анализ повторных поимок первогодков и взрослых птиц в дуплянках в последующие после кольцевания годы выявил следующее.

1) Из 753 окольцованных птенцами мухоловок-пеструшек 48 (6.4%) особей были обнаружены в пределах 9 км от места рождения. Из 56 окольцованных птенцами пеструшек в 1981 году обнаружено 4 особи (7.1%), из 129 в 1982 году – 9 особей (7.0%), из 245 в 1983 году – 24 особи (9.8%), из 323 в 1984 году – 11 особей (3.4%).

2) 38 вернувшихся на следующий год особей впервые загнездились на следующих расстояниях от места рождения: 8 особей (21.0%) – 1 км, 4 (10.5%) – 2 км, 6 (15.8%) – 2.01-3 км, 11 (29%) – 3.01-4 км, (7.9%) – 4.01-5 км, 2 (5.3%) – 5.01-6 км, 2 (5.3%) – 7 км, 2 (5.3%) – 7.01-8.5 км.

3) Средняя дистанция от места рождения, на которой загнездились мухоловки-пеструшки ($n = 34$), составляет 2640 ± 270 м; для самцов ($n = 22$) – 2450 ± 320 м, для самок ($n = 12$) – 2970 ± 470 м.

4) Из 190 птиц, родившихся в первую декаду июня (в 1983-1984 годах), гнездящимися на следующий год было обнаружено 19 (10%), во вторую декаду (из 294) – 14 (4.8%), в третью декаду (из 69) – 2 (2.9%). Птицы, родившиеся в первую декаду июня, возвращаются на гнездование в район места своего рождения статистически значимо лучше, чем родившиеся позже ($\chi^2 = 5.67$, $P = 0.05$).

5) Доли птиц ($n = 38$), не долетевших до места рождения при первом гнездовании составила 71.1%, перелетевших – 28.9%. Различия статистически значимы ($P = 0.002$).

6) Среди 355 птиц, пойманных во время гнездования в 1982-1985 годах, 73 (21%) особи были «местными» (родились в пределах 8 км) и 282 (79%) особи неизвестного происхождения – «иммигранты».

7) В последующие годы «местные» птицы (окольцованные в 1983-1984 годах) возвращались в район прежнего гнездования достоверно лучше – 41% (18 из 44 особей), чем «иммигранты» – 6.5% (7 из 107).

На основании полученных результатов сделаны следующие выводы: 1) масштаб и направление послегнездовой дисперсии у молодых мухоловок-пеструшек определяет масштаб их дисперсии при первом гнездовании; 2) в послегнездовой период молодые птицы смещаются преимущественно к юго-западу. В результате этого у большинства мо-

лодых особей запечатление места будущего гнездования происходит юго-западнее места рождения, что приводит к «недолёту» птиц при первом гнездовании; 3) на Куршской косе гнездовое население мухоловки-пеструшки представлено преимущественно «иммигрантами», «местные» (родившиеся в пределах 8 км) птицы составляют 20-25%.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2013, Том 22, Экспресс-выпуск 914: 2371

Залёт чёрной казарки *Branta bernicla* в Алакольскую котловину

Н.Н.Березовиков

*Второе издание. Первая публикация в 1999**

В Алакольской котловине (Юго-Восточный Казахстан), на озере Сасыкколь, в северо-западной части дельты реки Тентек при обследовании на лодке плёса Байбала (3×1 км), окружённого бордюром сплошных тростников, 15 октября 1994 встречена стая из 12 чёрных казарок *Branta bernicla*, обособленно державшаяся на мелководье с богатой погруженной растительностью. Это первый случай обнаружения чёрной казарки на Алакольских озёрах.

* Березовиков Н.Н. 1999. Залёт чёрной казарки в Алакольскую котловину // *Казарка* 5: 342.